

Шамиль Идиатуллин

БЫВШАЯ ЛЕНИНА

Главы из романа

Глава первая

— Мамуль, привет! С юбилеем вас!

— Ой, Сашенька, золотце, здравствуй! Помнишь, умничка, спасибо тебе. Как ты, не болеешь?

— Не, все нормально. Мамуль, а ты где? Я там вам подарок с курьером отправила, надо, чтобы встретили.

— Ой. А я хотела... А когда он придет?

— Да вот сейчас уже звонить будет. Я специально на вечер заказала, чтобы дома кто-то был. Вы же дома?

— Я это, в магазин... Я сейчас буду, такси беру. Ты чего как-то в нос говоришь? Простыла?

— Да не, просто холодно, я сквозь шарф.

— В Саратовске еще холодно? Батюшки. Приезжай домой поскорей, тут уже все цветет почти.

— О да, цветет и пахнет, как это самое. Мамуль, ну ты когда будешь, что сказать-то? Он к подъезду подойдет.

— Все-все, пять минут. Ну семь. Такси беру и домчусь.

Она домчалась через десять минут и сразу накинулась на какого-то дедка, который имел неосторожность брести мимо дома с большой коробкой и букетом цветов. Саша настолько увлеклась экономией дыхания — сладкая вонь со свалки проникала сквозь шарф и скрученный капюшон, выедавая глаза, — что услышала самый финал представления: дедок вскрикивал: «Женщина, что вы хотите?» — а мама громко поясняла: «Я Елена Игоревна, вот паспорт!»

Саша поспешно выскочила из-под козырька подъезда и резко остановилась, чтобы не столкнуться с мамой, которая уже оставила свою жертву и устремилась к дому, озираясь по сторонам и бормоча: «Может, у подъезда». За пару шагов до Саши она, раскинув руки, тормознула, похлопала ресницами и вскрикнула:

— Доча!

Шамиль Идиатуллин — журналист и прозаик. Родился в 1971 году, окончил журфак Казанского университета, работает в ИД «Коммерсантъ». Первую заметку опубликовал в 1984 году, первый роман — в 2004-м. Лауреат премии «Большая книга—2017» («Город Брежнев»). Живет в Москве.

Роман «Бывшая Ленина» готовится к публикации в издательстве АСТ: Редакция Елены Шубиной.

Она сгребла Сашу в объятия и принялась мять и обцеловывать ее поверх шарфа и шапки. Саша ужаснулась: маму била крупная дрожь, а из глаз лились слезы.

— Мам, ты что, ну хорошо все, ну не плачь, а то я тоже зареву, — твердила Саша, хотя на самом деле уже ревела, а мама звучно чмокала ее и тискала, время от времени отстраняя, чтобы рассмотреть, неразборчиво промычать: «Красивая какая!.. Приехала, умничка!.. Не предупредила, балда, у нас же и угостить нечем!..» — и целовать дальше.

В себя мама пришла только дома, как только решила, что ребенок голоден, а кормить нечем, и суматошно убежала на кухню, — но и оттуда продолжала выкрикивать экспрессивные лозунги сквозь грохот, стук ножа и шипение масла и каждые полторы минуты выскакивала чертиком, чтобы умильно рассмотреть дочь или обнять ее, чудом не цепляя ножом. Саша хихикала и терпела, отвечая невпопад. Мама все равно поймет и запомнит как надо — она не папа, — а потом еще, как в школе, повторит пройденный урок, перечислив все, что услышала, в логическом и хронологическом порядке, а Саше останется кивать и поддакивать или резко протестовать, чтобы мама не утвердилась в длинной, сложной, логически безупречной и совершенно неправильной версии, вывзанной из слов собеседника, его умолчаний, реакций и собственных додумываний. Саша к этому давно привыкла, не так давно перестала беситься, а за последние месяцы даже соскучилась.

Ничего не изменилось. Дома было пронзительно чисто и очень жарко, зато пахло не улицей, а ванилью и мятой.

Мама усадила Сашу за стол, набуровила с горкой миску щей («Ешь-ешь, раз замерзла» — «Да не замерзла я, просто нос прикрывала, чтобы свалку вашу не нюхать» — «Маме соврала — все теперь, ешь»), выложила на блюде стопку шипящих еще гренок, села напротив, навалившись грудью на сложенные руки, так, что стол привычно скрипнул, и очень ловко — как только она умеет, ей бы summa для научных сборников писать — пересказала ее, Саши, жизнь в последние месяцы. Саша поперхнулась только на тезисе про личную жизнь, но не успела ни выпалить опровержение, ни просто прокашляться. Мама с улыбочкой продолжила без паузы:

— Никто никого не послал, с Гошей у вас все сложно, но учеба сложнее, а вот Максим забыт, я поняла. Ты девушка серьезная, поэтому с матстатом разобралась и все хвосты закрыла. Других почти и нет. Верю-верю, ешь давай. Так что стипендия будет, и вообще денег хватает, за квартиру с Ксюхой платите вовремя, питаешься в столовой, в кафе с подружками ходите, ну и я тебе завтра на карточку чуть подкину, ешь-ешь, а что папа подкидывает, меня не касается, это ваши с папой дела.

— А папа-то когда придет? — спохватилась Саша, отдуваясь. С нее текло, хотя и кофту, и свитшот она сняла сразу.

Мама очень уверенно рассказала, что у папы очередной аврал, так что он всю неделю приходит в ночи. Саша этим вполне удовлетворилась, но черт ее дернул предложить позвонить: узнает, что дочь нагрянула, и сумеет прийти пораньше. Мама, кивнув, взяла телефон и на миг зависла, глядя в экран. Саша поняла, что дело не в одном аврале, и поспешила сменить тему. Не самым удачным способом. Бабу вспомнила.

Мама расплакалась, стала рассказывать, как все было неожиданно, как жаль, что Саша сама приехать не смогла, и как мама простить себе не может — не увидела и не поняла, что бабушка готовится помирать. Никому не сказала, ни мне, ни папе, и делать ничего не стала, даже пытаться.

Саша, держась из последних сил, сказала, что, может, и правильно баба сделала. Может, и правильно, согласилась мама, скривившись, но вот здесь — она постучала кулаком — жжет и болит. Вылечиться, говорят, шансов уже и не было, только мучилась бы. Но сказать друг другу столько не успели.

— И так же знаем, — пробормотала Саша.

— Когда знаем, когда нет, а сказать лишним не бывает, — ответила мама решительным тоном, не совпадавшим с ее заплаканным лицом. — Особенно когда долго рядом друг с другом... Ой, забыла. Сейчас.

Она вышла из кухни и почти сразу вернулась с красной коробочкой, которую сунула Саше.

— Вот, от бабушки.

Саша открыла коробочку и заревела.

— Мне лет пять было — я их нашла и надеть хотела, а уши еще не проколоты, ходила полдня, вот так у мочек держала. Баба сказала: проколешь — подарю. Помнишь, я тебя потом месяц доставала — пошли прокалывать?

— Ну, теперь, может, проколешь. Или как хочешь, сама смотри — можно в кулончик переделать.

— В два, один запасной. Видишь — не забыла, а ты говоришь, слова. Такое вот, это же всех слов важнее.

— Слова, Саша, тоже важны, тем более — я не договорила, — когда столько лет рядом. Это когда молодой, признаешься в любви и прочем легко и просто, а когда пожил и рядом с кем-то много лет, кажется, что глупо ему рассказывать: я же потому с тобой живу или общаюсь, что люблю-люблю и все такое, чего болтать. И слова истертые, и звучат не по правде. Но если по правде — говорить надо. Мы ж люди, Саш, мы от животных этим отличаемся.

— А-а. Я-то все понять не могла, чем, а вот оно, оказывается, — отметила Саша, отсмаркиваясь.

Мама не смутилась и не возмутилась, конечно.

— Стало быть, не зря приехала — важную вещь поняла. А вот и папа.

Саша, подумав, выскочила в прихожую первой — мама не только пропустила ее, но и задержалась на кухне: еле слышно зашумел кран, и вода плескала.

Папа уже вошел и снимал ботинки. На Сашу он не обратил внимания. Даже головы не поднял. Саше это не понравилось. Неправильно это, не обращать внимания на того, кто тебя встречает, особенно, если заходишь с вонючего холода в тепло, пропахшее щами и гренками так, что хоть ложкой цепляй и ешь.

Саша выразительно кашлянула. Папа не спеша поднял голову и застыл. Глаза у него дернулись и за миг поменялись так, что страшно — чуть ли не в форме и цвете. Саша хотела что-нибудь сказать, но папа шагнул к ней, стреб в объятия, чуть сторбившись, прижался виском к виску и замер, не дыша. Саша покосилась на маму — та стояла поодаль, кивая и вытирая слезы, — и обняла папу в ответ. Плечи и спина у папы под пальто были как из гипса. Пахло от него немножко одеколоном и очень заметно — усталым несвежим мужиком, шедшим сквозь свалку. Здесь, наверное, ото всех примерно так пахло.

— Пап, я вот приехала, — пробормотала Саша, сообразив, что он может простоять так всю ночь — или до обморока, потому что по-прежнему не дышит.

— Санька, балда, — сказал папа тихо.

— Пап, ты голодный, наверное. Пошли, там мама столько всего приготовила.

Папа кивнул, отстранился, снял пальто, аккуратно повесил его в шкаф и ушел мыть руки.

Саша посмотрела на маму. Мама чуть развела руками и негромко сказала:

— Ну вот так пока. Пошли на кухню, там котлеты еще.

За ужином папа был почти обычный — жадно ел, слушал молча, но внимательно, иногда кивая, пару раз задал уточняющие вопросы, но на маму не смотрел — даже когда она помогла Саше выпутаться из слишком затейливой формулировки. Мама замолчала и отвернулась к окну. Саше стало неловко. Она бодро сказала:

— Я чего приехала-то. Поздравить на самом деле.

Она выскочила в прихожую, извлекла из рюкзака коробку, осторожно выволокла из нее бумажный кокон, оттуда — вазу и торжественно вернулась на кухню.

— Вот. Двадцать лет, фарфоровая свадьба. Я понимаю то, что вы не празднуете, но как человек, который, это самое, имеет большие основания радоваться и так далее — дарю. С благодарностью.

Саша поставила вазу на стол и принялась объяснять про значение рыбок, про

аллегии долгого счастья и про мастера. Папа потрогал блестящий бок вазы, кивнул и сказал:

— Лучше бы ты на двадцать третье...

— Очень красиво, Саш, чудо просто, — поспешно завершила мама. — А я про мастера этого слышала, читала то есть. У него выставка в Сарасовске как раз была, там и купила, да?

Саша пожала плечами, глядя на папу. Папа поднял и поспешно опустил глаза, вздохнул и занялся аккуратным сбором оранжевого бульона с доньшка в ложку.

— Ну ладно, я помчалась, в общем, — бодро сообщила Саша.

Родители выпрямились, болезненно стукнулись взглядами и уставились на Сашу. Она торопливо продолжила:

— Ксюшка ждет, мы договорились, у нее с утра там это самое, день факультета, и заодно Масленица, с таким опозданием вот, все сразу, девчонок припахали блины печь, Ксюшка, дурочка, сама сказала, что напечет, а на самом деле нет, потому что не умеет, поэтому меня попросила, ныла, ныла, ну пришлось, короче, так что я сейчас рвану, ей с утра уже надо, я велела все купить, сейчас примчусь, тесто заведем, потом вместе и пойдем на этот день факультета, там программа прямо грандиозная.

— Так у нас же тоже... — начала мама.

— Так не торжества же, а я уже поздравила, да?

— Да, спасибо, очень приятно, — согласилась мама тихо и умоляюще повысила голос: — Переночуй, куда на ночь-то. И электрички не ходят уже.

— Да тут ехать полчаса максимум, а утром и днем как раз дольше будет.

— А у нас и ехать не надо, — неожиданно вступил папа. — Чего спешить-то? Сейчас с мамой вместе напечете, ну или мама сама, да, Лена?

Мама поспешно закивала. Папа продолжил:

— Ей это без проблем, она ж... Да, а с утра встанешь и рванешь к Ксюшке. Места у нас полно, твоя кровать застелена. А хочешь — можешь к бабушке... Бывшая Ленина твоя теперь, так, Лен?

Он требовательно посмотрел на маму. Мама на миг поджала губы, с усилием рассмеялась и сказала:

— Конечно. И ходу тут пять минут, папа отвезет. Пора в наследство вступать.

— Нет! — выпалила Саша, подумала, что надо бы помягче, но не придумала, как, просто повторила чуть тише: — Нет.

И помотала головой.

Мама с папой опять переглянулись так, что стало больно. Мама нерешительно уточнила:

— То есть прямо сейчас уже едешь?

— Ну да, такси же сразу подойдет, да? — Саша открыла приложение в телефоне, несколько раз ткнула пальцем по экрану и торжествующе констатировала: — Вот, через три минуты, ехать тридцать семь минут, триста сорок рублей, ерунда.

— Так, — решительно сказала мама, вставая. — Обожди вызывать, не три минуты, а чтобы пять-семь. Я котлеты соберу.

— Мамуль, ну какие котлеты, я же к Ксюшке, у нее завтра стол и вообще!

— Стол завтра, а ужинать сегодня, и завтракать тоже, завтра то есть, — отрезала мама. — Щей налить? У меня бидончик специальный есть.

От щей Саша отбилась, от остального не смогла — в том числе и от того, чтобы папа довел ее до такси. В лифте они молчали. Саша сперва пыталась понять, не сильно ли обиделась мама — вроде нет, и обнимала на прощание как обычно, а то ведь она и обнимать, и молчать умеет с особеннейшим значением, не забыли, — потом попыталась как-то завязать узелком на оперативке необходимость позвонить Ксюшке, едва сядет в такси, — а то нагрянет как снег, а у той опять кавалеры, раз соседка свалила, и сиди всю ночь на кухне, чтобы не слушать, как охают и хихикают. Любоваться, как в трусах на кухню за пивом выбегают, все равно придется. Хотя

Ксюшка, конечно, скорее сама на балконе ляжет, чем Сашу обидит. Или между собой и кавалером положит, легко. Девушка с высочайшей оценкой подружеского долга.

Саша усмехнулась и поспешно натянула на нос шарф. Они уже вышли из подъезда. Ветер с вечера переменялся, дул теперь не с северо-запада, а почти с юга, так что свалочная вонь должна была ослабнуть — но после домашних ароматов и облегченная версия смрада проткнула Саше переносицу вместе с глазными яблоками.

Настроение упало. А папа добил.

В двух шагах от уже подъехавшего такси он придержал Сашу за руку. Саша решила, что это знак для прощального объятия, но папа отстранился и сказал:

— Саньк, бывшая Ленина правда теперь твоя, ты имей это в виду.

Саша закивала и торопливо пробормотала:

— Ну да, спасибо, но я где, а она тут. Пусть стоит пока, ждет, что ли.

— Ну вот я про это, — сказал папа, странно косясь по сторонам. — Чего ей стоять.

Можно же сдать, ты не против?

Саша пожала плечами, а папа продолжал:

— Ну или там другие варианты. Если человек будет жить — ты не против?

Саша насторожилась.

— Пап, какой человек? Знакомый, в смысле? Ну если вам нужно, то ради бога, конечно...

— Может, знакомый. Может, и я сам. Можно?

Он наконец посмотрел на Сашу, и опять глаза его были другими.

Саша сморщила нос, чтобы не заплакать, и хотела спросить: «Пап, ты мне мамку новую нашел, что ли?» — но спросила другое, очень медленно и ровно:

— Пап, ты хочешь, чтобы у меня была семья, дети, муж, и так всю жизнь?

Папа неуверенно улыбнулся, и лицо его снова застыло. Саша пояснила:

— Не сейчас, в смысле, а вообще — то, что с любимым человеком до старости вместе, внуки там и так далее?

— Санька, ты дура, что ли? — уточнил папа. — Что за вопросы?

— Ну вот. И я хочу, честно. Не пугайся, нету пока такого человека, вы первые узнаете, если будет. Но просто... Короче, Лизка мне говорила то, что если родители в разводе, то и дети обязательно разведутся. И она...

— Дура твоя Лизка.

— И она права, наверное. Анька, помнишь, классом старше училась — она в разводе уже, и Кирилл ваш, которого вы мне в пример всё, и... Короче, это правило такое: если родители курят, то ребенок у них может быть некурящим, но на самом деле нет, исключение подтверждает, а курить почти каждый будет.

— Так мы не курим...

— А если родители развелись, то и ребенок разведется. И знаешь, пап, в чем разница между мной и тобой, ну и мамой? У тебя родители не разводились. У мамы тем более, там сложно, я помню. Но если вы разведетесь, то это только ваша вина будет. А если я разведусь — то это вы виноваты. Ты уж прости, но только так получается.

— Саньк, так нечестно, — негромко сказал папа.

— А то, что так — честно? — спросила Саша тоже негромко.

Папа помолчал, с тоской посмотрел на удивительно чистое, не совпадающее с запахом, небо и на окна своего дома, и сказал:

— Не могу я больше, Санька. Ты же видишь, какая она.

— Какая? — спросила Саша зло.

— Ладно, — сказал папа. — Понял я. Забыли.

Он поцеловал Сашу в скулу между шапкой и шарфом, махнул рукой, поворачиваясь, но вдруг замер и сказал себе в ноги:

— Душно мне, Саньк. Не могу больше.

Саша заплакала.

Папа продолжил:

— Санька, я постараюсь. Честно. В любом случае, как уж ты сказала: вы первые узнаете.

Он снова крепко, как в прихожей, обнял Сашу, сгорбившись над нею, словно защищал от обманчиво чистого неба, и прижавшись виском к виску.

— Пап, я тебя люблю, — прошептала Саша, и он кивнул, оторвался от нее и пошел к подъезду.

— Папа, мама хорошая, она тебя любит, — сказала Саша вслед.

Папа, кажется, не услышал.

Глава вторая

К субботе Оксана поняла, что Тимофей ей надоел.

Новое знание слегка напугало. Такого раньше не было — ни с Тимофеем, ни с Рустиком, ни с кем-то еще. Привычной была другая схема, в рамках которой надоедали или сразу были неприятны малознакомые люди, претендовавшие на часть жизни или времени Оксаны — ну и на что они там обычно претендуют. С ними справляться Оксана умела. С Рустиком, который мешал и в какой-то момент стал просто поперек, тоже — разбежаться проще и удобнее, чем чувствовать себя участницей собачьей свадьбы: лохматой такой участницей, склешенной, нелепой, на которую глазают все вокруг. На самом деле никто не глазел, конечно, но Оксане и себя хватало, собственного трезвого взгляда, который однажды прорезался и заставил не возгордиться в очередной раз без особой причины, а устыдиться и ужаснуться.

С Тимофеем такого не было. Было спокойно, почти до прохладности, но уютно и по-разному: хочешь, дочки-матери включай, хочешь — супружескую пенсию, хочешь — курортный роман или порнопробы. До последнего дошло только сейчас, ни с того ни с сего — и как-то оказалось, что это если не высшая, то финальная точка отношений. Дальше и незачем вместе. По крайней мере, Оксана смысла не видела. От этого было неуютно, какой-то киношный замес — высосала парнишку и выбросила. А он и не знает, даже не чувствует. Деловито спрашивает в мессенджере, что купить, и строит планы на выходные. А Оксана не хочет быть частью этих планов, не хочет быть частью жизни Тимофея и видеть его не хочет. Она хочет с собой разобраться. А времени на это нет. Его ни на что нет, категорически.

Балясников всегда был любителем авралов, а тут устроил просто показательные выступления с истерической демонстрацией активности. Первое совещание было нервным, но без фанатизма: проблема твердых бытовых отходов обостряется, полигон ТБО без переработки окончательно стал растущей как на дрожжах свалкой, область нами недовольна, а областью недоволен федеральный округ. Мне об этом прямо сказали, сообщил Балясников, хмурая светлые бровки, и добавили, что если области из-за нас будет плохо, то нам — просто край и ад, в вони утонем.

Оксана так и не поняла, специально Балясников провоцировал или Фрейд его за язык дернул — но получилось хуже, чем нарочно. «А сейчас как будто не тонем», — раздалось со всех сторон. Вот глава и вспылел. Заставил готовить к сессии два варианта постановления о мусоропереработке, причем второй — в комплексе с введением местного добровольного, а на самом деле обязательного, конечно, сбора со всех юрлиц и домохозяйств на утилизацию мусора. Тишина в зале стала звенящей, Оксана, поерзав, начала подниматься, потому что экспертить проекты предстояло ей, а значит, и огребать неприятности, совершенно неизбежные с учетом прошлогоднего рекордного подъема платы домохозяйств за вывоз мусора, который и был настоящей причиной массовых протестов — а вовсе не мусоросжигающий завод. Но Балясников рявкнул: «Сядьте, Оксана Викторовна, и записывайте», — и она села, поморгала и принялась записывать почти так же сосредоточенно, как все вокруг.

Второе совещание напоминало последнее заседание в ставке Гитлера под красноармейскими залпами и закончиться могло... Ну стрельбы Оксана все-таки не

ждала, но массовым самовыпилам не удивилась бы. Разве что нетрадиционности подхода: все-таки у начальства не принято ни спрашивать с себя, ни убиваться — в каком бы то ни было смысле. Но все выжили — будем благодарны за это. И на совещании, и в течение рабочей недели.

Пахал не только Жёлтый дом и муниципальные предприятия, но и формально независимые от городской власти компании, на самом деле учрежденные Жёлтым домом или для Жёлтого дома. Серверы висели от перегоняемых потоков писем и правок, картриджи в обоих принтерах пришлось менять дважды, коробки с бумагой формата А4 выстраивались в столб возле двери офиса каждое утро — и к вечеру столб таял, аки жена Лота под текиловым дождем. От тихого воя выгоняемых листков чесались уши, глаза слезились от бесконечных, в шесть разноцветных слоев, правок, которые приходилось снимать пласт за пластом, чтобы тут же накидать новые и отправить дальше, телефон звонил каждые пятнадцать минут, все цапались со всеми, в желудке горели пицца с роллами, кофейная отрыжка разъедала носоглотку, от мужиков перло псиной, от баб — перекишим потом, живанши-шанельный фон и запах химического озона из принтеров на синтетической подложке кондиционированного по кругу воздуха делал атмосферу в кабинете юпитерианской или какой там еще, но точно несовместимой с жизнью, и не было от этого спасенья, потому что стало тепло и вонь от свалки накрыла центральные районы Чупова старательней, чем тьма один вечный город — и уж точно на более долгий срок.

Оксана не раз и не два ловила себя на безнадежном обдумывании уже не формулировки для заявления об уходе — это был давно пройденный этап, а точного часа, в который надо заказать такси, выскочить наружу, не надевая пальто, домчаться до дому, велеть водителю обождать минут десять — и в эти десять минут загрузить в чемоданчик документы, бабушкины цепочки, которые Оксана никогда не носила и носить не будет, но они же бабушкины, схватить под мышку Марка, заехать попрощаться к маме, которая только рада будет, если не врет, конечно, успеть на вокзал к проходящему вечернему скорому и уехать в московском направлении до первого симпатичного полустанка, где никто ее не знает, не достает, не звонит каждые полторы минуты, не требует немедленного спасения, где нет симпатизирующих несимпатичных дураков-начальников и дур-подчиненных и где-не-воняет.

Остались же в стране такие места.

Должны остаться.

А и не остались — невелика беда. Мир велик, паспорт есть, язык есть, два с половиной, молодая, сильная, умелая — не пропаду. Любой вариант лучше, чем жизнь на мусорной куче, будь ты даже царица этой вонючей горы. А царицей быть Оксане явно не суждено. Так чего же сидишь?

Привыкла.

Положено.

Недоделала немножко, вот сейчас эти два законопроекта сдам — и тогда.

И тогда новая куча упадет.

Такие мысли накрывали Оксану и раньше, но впервые она поняла, что ее и впрямь никто и ничто не держит. Ни работа, ни карьера, ни Тимофей, ни любовно отремонтированная и обставленная двушка. Нет в них ничего уникального, нет ничего, что нельзя найти, заработать, получить, построить, слепить из палочек-дырочек в любом другом человеческом месте. Да и Марка пора спасать уже.

От этого понимания ей сперва стало страшно, а потом сладко, как даже в эти выходные не было. Я свободный человек, дошло до Оксаны. По сравнению с тем, какой была еще год назад, когда беззвучно рублилась за место с более опытной замшей. По сравнению со всеми вокруг, на ком висели супруги, дети, ипотеки, карьерные соображения и близкие пенсии. И что самое главное — безо всякого сравнения и безотносительно чего бы то ни было. Оксана Юрченко свободна, ничем не связана и не обременена — потому что Марк счастье, а не бремя — дееспособна и мобильна. Можно встать и выйти прямо сейчас, а такси заказать уже во дворе — нет, перед

выходом во двор, чтобы сладкий запах помойки не сыграл злую шутку, как с лысым героем скучного черно-белого фильма, который любила цитировать бабушка.

Оксана почти уже встала, но Митрофанов сказал:

— Оксана Викторовна, я придумал.

Ну чего ты там еще придумал, милоч, подумала она утомленно. Что может придумать скучная серая перхоть без особых примет, достоинств и амбиций?

Он смог — и придумать, и сделать то, что все изменило. Нет, не так. Не бывает, чтобы изменялось всё, и не бывает единой и единственной причины. Одна — она как столб, в который врезаешься и либо застываешь на месте, часто неживым, либо улетаешь в ненужную сторону. А если по-хорошему, то обычно много их, поворотных точек, на каждой из которых устремленная вперед линия чуть меняет вектор и превращается из прямой в кривую. А кривая вывезет, бабушка так учила. Бабушка знала.

Вот этот подход в кабинете был второй точкой — и самой неожиданной. Потому что неожиданным был Митрофанов — несвежий, как и все, перекошенный и неровно выбритый. Особенно раздражали пятнышки серой щетины в складках рта, которые стали видны, когда Митрофанов, на миг задумавшись после недоброго Оксаниного вопросика, сложил губы трубочкой. Это усилило раздражение Оксаны так, что она почти уже выпалила: «А если не знаете, Даниил Юрьевич, так возвращайтесь к работе и больше за пределы поручения не выходите, сроки горят».

Не успела: Митрофанов, скривив рот обычным образом, так, что небритые пятнышки спрятались, сказал:

— Да нет, это компетенция муниципальных властей. Подтверждаем, что земля имеет сельскохозяйственное назначение, и тогда любая свалка там запрещена. Ни районных, ни областных решений по переводу статуса земель не было, я проверял. Там же совхоз был, земля его или правопреемника, класс земель наверняка вспашной, ограничения я перечислил. В базе за тот период документов нет, но в архиве найдем. Ну и вопрос решен. Собираем сессию, без всяких дополнительных согласований по вновь вскрывшимся обстоятельствам объявляем свалку незаконной, прекращаем прием мусора и вешаем все на операторов. Пусть ликвидируют, что натворили, за свой счет, ну или с Гусака потом регрессят. Все суды поддержат.

— Областной особенно, — сказала Оксана с иронией.

— В областном иск сломают, так окружной удовлетворит. Да и не дойдет до этого — область раньше договариваться начнет.

— Ох, — сказала Оксана, еще раз перелистывая бумаги. — Все бы так легко было. Ладно, оставьте, я еще раз посмотрю. Все равно надо проверять — мы же не знаем, что там депутаты в девяностые напринимали.

— Знаем, — сказал Митрофанов неожиданно. — Ни в девяностые, ни в нулевые по району не было никакого решения. До середины нулевых совхоз «Новая жизнь». Давно не работал, но все равно числился. Потом комплексную застройку хотели, с таким же названием. Оформить не успели. Когда с микрорайоном не получилось, явочным порядком начали как свалку использовать, с ноль восьмого или ноль девятого, если правильно помню. Такая вот получилась «Новая жизнь», сама собой, от совхоза к свалке. Если что и сделали, то задним числом, а это опрокинуть как два пальца. А в нулевые — нет. Я уж знаю, все-таки главой земельного комитета был.

— Кто был? — глуповато спросила Оксана.

— Я.

Оксана смотрела на подчиненного, мигая. Он не издевался и, похоже, не шутил.

— Какого комитета, мэрии?

— Нет, гордумы. Я же депутат был, освобожденный, чуть даже председателем не стал, но...

Он, не договорив, пожал плечом, помолчал и сказал:

— В общем, если надо там дописать или дополнить, скажите, это легко.

Он ушел за свой стол, повозился и аккуратно стал раскладывать перед собой

схваченные скрепками бумаги из лотка. Оксану почему-то это очаровало, почти как бег воды или ленивый огонек, подбирающийся все ближе. С большим трудом она оторвалась от бездумного наблюдения, отложила выкладки Митрофанова и снова нырнула в разноцветную паутину правок.

Предложение Митрофанова Оксана решила в ход пока не пускать, так что ничего нового в тот день не произошло. Зато именно в этот вечер они завершили сведение и чистку документов, передав их в протокольный отдел администрации. И беспримесно чистым совпадением следует считать, что именно в этот день Оксана поняла: надоел Тимофей, категорически и, кажется, окончательно.

Оксана и Тимофей не виделись с того самого воскресенья. Он регулярно писал, строил планы, в том числе внезапно связанные с совместными проводами истекающего дня. Вдохновился мальчик, на сплошную лихорадку буден замахнулся. Оксана односложно эти планы заворачивала, ссылаясь на занятость. Тимофей не обижался, поскольку не имел такой привычки, да и ситуация была совершенно стандартной и рабочей. Всё у них последний год было так: Тимофей придумывал и предлагал, Оксана заворачивала, соглашаясь после семи раз на восьмой. Просто на сей раз она не видела для этого восьмого никаких ниш и перспектив. И сама себе признаться не умела. Наоборот, думала, что вот спихнет с себя гору, связанную с поручением Балясникова, в субботу проводит на пенсию Золотницкую — и выйдет на выходные с чистой совестью и развязанными руками. Захочет — Тимофею позвонит, по ходу решив, для чего звонит-то, послать или приласкать. Захочет — с Марком весь вечер будет гонять заводные машинки по лего-пандусам. Захочет — устроит себе счастливый уикэнд старой девы, с книжкой и глинтвейном. А может, все-таки сделает то, чего захотела особенно остро: вызовет такси и побросает в чемодан самое важное.

Отвальную Золотницкая устроила в кафе с по-курортному идиотским названием «Наташа». Может, поэтому и градус куража сразу выставился на курортно-олынклюзивный, то есть почти предельный уровень. Сперва, понятно, все чинно-благородно, поздравления, пожелания и адрес от главы, лишь несколько истеричная от усталости веселость обостряла реакцию на стандартные шутки про расширение рамок бальзаковского возраста, баб-ягодок и прочего «мы не доживем, так что вы за нас оторвитесь». Все за всех в отрыв и пошли — и Оксана тоже.

В девять вечера она обнаружила себя в кругу строжайших обычно дамочек, с воплями размахивающих посреди танцзала кто салфетками, кто кофточками под подзуживающие гоп-гопы Верки Сердючки — причем Савельева растелешилась до лифчика, неожиданно пристойного, в отличие от остального облика Савельевой. Оксана так обалдела, что едва не врубила начальницу, обнаружила, что сама скачет по полу в колготках, стылым от ужаса взглядом просканировала остальные детали своего туалета, поспешно застегнула пару пуговиц на блузке, искренне надеясь на то, что сдавались они без приложения человеческой силы, и аккуратно задвинулась в тень.

Отряд не заметил потери: из динамиков, насадно погибая на высоких частотах, пополз такой же реликтовый медляк, и дамочки с боевыми кличами побежали ловить кавалеров, а самые утомленные, и Савельева, к счастью, с ними, слились в объятьях с соседками и принялись, гогоча и постанывая, раскачиваться в ритме дискотеки младшеклассников.

Оксана поискала глазами туфли, но нашла только пару заметных дыр в колготинах. Убедившись, что всем не до нее, Оксана вздохнула, подтянула юбку, легонько, устойчивости ради, облокотилась о высокую спинку стоявшего рядом стула и умудрилась аккуратно, в три плавных рывка, стянуть колготки без ущерба для юбки и белья, даже не выронив телефон. Чуть не потеряла равновесие лишь в финале — палец, естественно, не желал расставаться с краем дыры, — дернулась и вцепилась в спинку, предчувствуя, что стул со скрежетом отъедет по каменному полу, привлекая всеобщее внимание трудового коллектива к неизбежному крушению любимой начальницы.

Стул не поехал. Стоял как вбитый. Будто на нем сидел кто.

Не будто.

Оксана вздрогнула, отпрыгнула на метр и обернулась, поспешно пряча нейлоновый комок за спину.

Митрофанов не отреагировал: так и сидел, сгорбившись, спиной к Оксане и ко всем, локти на коленях, в правой руке пивная бутылка, каких не было на столе, где взял только, в левой пустая тарелка.

«Отвернуться успел или действительно ничего не заметил?» — подумала Оксана, переступила по не особо холодному, но и не особо чистому полу, разозлилась на себя и вместо того, чтобы тихонечко смыться к туфлям и покою, шагнула вперед, к соседнему стулу, который, оказывается, стоял неподалеку и был по-настоящему пуст.

— Что не веселимся со всеми, Даниил Юрьевич? — прокричала она, присаживаясь на ловко подложенные колготки и убирая босые пятки под сиденье.

Митрофанов посмотрел на нее, не меняя наклона корпуса, отсалютовал бутылкой и сказал:

— Я веселюсь. Я так веселюсь, правда.

Негромко сказал, но слышно. Оказывается, можно было не кричать. Нашел человек акустический пузырь и наслаждается, чем может, молодец.

Митрофанов снова пялился в далекие цветные переливы. Оксана, моргнув, поняла, что это отражение цветомузыки на затененной дальней стене, и усмехнулась. Настоящий буддист найдет повод для медитации даже в сердце карнавала. А начальница буддиста поддержит его страсть к смирению.

— Даниил Юрьевич, вы уж извините, но я пока не дала вашему предложению хода. Вы не думайте, я рубить его не собираюсь, идея хорошая. Ну или там присвоить, не дай бог, тоже не собираюсь.

Она усмехнулась, ожидая бурных возражений и заверений, что нет-нет, я бы никогда. Но Митрофанов лишь слегка кивнул, не поворачиваясь. Оксане это не понравилось, но раз начала, надо договорить:

— Просто тема тонкая, а Балясников, сами видите, на психе. Рубанет наотмашь — и нет перспективной идеи. Так что пусть полежит чуть-чуть, время выберем — двинем. Договорились?

Митрофанов пожал плечом. Ну и черт с тобой, гордец, подумала Оксана и собралась уже встать, оставив ценного подчиненного наедине с картинной печалью, и веселиться дальше. Но Митрофанов неожиданно заговорил — не меняя позы и не отрывая глаз от мутного цветного копошения вдали:

— Вот это самое обидное, между прочим. Что для перспективных идей надо выбирать время. И для правильных действий. И для хороших людей. А для всякой дури любое время годится. Сама прорастает, цветет и пахнет.

— Особенно пахнет, это точно. Но это же всегда так — кроме запаха то есть. Всегда дурак сквозь стены пролезет, а героям приходится в обход, песенка даже есть.

— Ну, не всегда. То есть согласен, в любой замкнутой системе так получается, что сорняк растет всегда, везде и много, а культурные растения, ну и вообще что-то со смыслом, знай чахнут, требуют, чтобы поливали, лелеяли и так далее. Но в мое время, — Митрофанов невесело усмехнулся и пояснил: — ну, как это принято сейчас говорить, в лихие девяностые и тучные нулевые... Было окошко возможностей для всех.

— Ну и кто в это окошко пролез?

— О да, — согласился Митрофанов. — Кто только не. На самом деле все ведь этим и объясняется: сорняк занимает все возможное пространство и забирает ресурсы под себя и собственное воспроизводство. Смыслу места не остается. Культурным злакам места не остается. Социальные лифты не работают, потому что загружены отпрысками тех, кто уже наверху. Ну, это как раз неоригинально. В моем детстве примерно так же было, колхоз «Минуя капитализм» всегда сползает в средневековые. И вот в рамках ленной системы и нового феодализма единственный способ выдвинуться — стать либо вассалом, либо бросить вызов лорду и не сбросить его, конечно, — это запрещено —

но потеснить на верхнем этаже. Успеть закрепиться, пока не задушили или пока сам не сдох.

— От запаха, например, — вставила в паузу Оксана, в основном чтобы перебить ощущение дурного сна. Митрофанов работал под ее началом почти два года, был типовым серым клерком, ни фантазии, ни человеческих реакций, ни, подозревала Оксана, умения поддерживать беседы на отвлеченные или просто не одноклеточные темы — и вот вам здрасьте. Неделю назад в магазине Митрофанов оказался носителем заметного темперамента и даже страстей, позавчера — умным профи с неожиданным бэкграундом и внезапными скиллами, теперь вот — речистым смутьяном. Дальше-то что? Труссы поверх трико и умение перемножать восьмизначные числа на санскрите?

— Запах — это отдельная примета времени, конечно, — продолжил Митрофанов, к счастью, не на санскрите, но и не на том языке, носителем которого его считала Оксана. — В моем детстве этого не было, но остальное было. И протесты были, да и теперь — не было бы у нас ТБО, другая бы тема возникла, правильно? Выборы, выбросы, гастарбайтеры, мухлеж в вузах или школах, что угодно. Раз госкапитализм и автократия толстеют, остальные должны худеть, а где тонко, там и рвется, ассортимент на выбор. И все понимают, что протестовать бесполезно, что это навсегда. И в моем детстве понимали.

Митрофанов ухмыльнулся и глотнул из бутылки.

— И... что? — уточнила Оксана.

— И все. Если народ безмолвствует и нет ни обратной связи, ни механизмов решения противоречий, нормальных и работающих, ни смазки для них, кроме коррупции, то рано или поздно власть зарвется, а народ взорвется. И вот тогда настоящему вони не оберешься.

— А сейчас прям... Но если честно, Даниил Юрьевич, вы меня поражаете. Революционер просто.

— Старый просто.

— Ой-й.

— Оксаночка, вам, простите, сколько? Тридцать три? Вот как совпало. Не слышали про роковые цифры — двадцать семь, тридцать три, тридцать семь, сорок два? Мне сорок три. Вот. Это по нынешним временам типа пустяк, полсрока до пенсии, а если по-нормальному — ужас же. Высоцкий уже умер, Пушкин тем более, Лермонтов сгнил, даже старик Чехов готовился помирать.

— Даниил Юрьевич, вам не идет кокетничать.

— Никому не идет. Как там положено: вырастить сына, посадить дерево, построить дом? С сыном у меня как бы не получилось, ну да дочь такая, что ни на какого сына не променяю. Дома два, считай, построил — один остался, ну и бывшая Ленина.

Оксана не поняла, но решила не переспрашивать — какая разница-то. Митрофанов продолжал, все так же глядя в отсвет цветомузыки на дальней стене:

— Деревьев тоже пересажал, спасибо маме, хоть, это самое, волков разводи. Получается, все, что положено, сделал. И жизнь прошла.

Он коротким глотком опорожнил бутылку и точно перескочил несколько страниц:

— Мама умерла, дочь взрослая, я ей на фиг не нужен, жена — ну, жене, думаю, я до смерти надоел, и она... В смысле, и сам я на работе ничего нужного, чтобы всерьез прям, не сделаю, так? Время не то, глава не в духе и так дальше. Осталось тихо тлеть да внуков ждать. Я и внуки, приколы.

— Так не ждите, — предложила Оксана, наливаясь почему-то гневом. Разговор этот ей и надоел уже, и цепанул слишком сильно — до раны, которую она не собиралась светить перед малознакомым человеком, тем более подчиненным. Дополнительно раздражал зажатый в руке телефон, который беззвучно трясся и мигал на разные лады. Весь мир долбил в несколько мессенджеров Оксаны. Она положила телефон на колено экраном вниз и договорила:

— Вперед, с песней. Забирайтесь на верхний этаж, не побеждайте, но тесните. Становитесь феодалом и хозяином положения.

— А смысл?

— Чтоб дочь зауважала и могла расти. Чтобы жена сказала: «Вах». Чтобы мир лучше стал. Чтобы, ну, елки-палки, это же вы мужик, а не я, ставьте цель — и айда пошел, как один мой знакомый говорил. Раз жизнь прожита, терять уже нечего — про самураев знаете, да? Украсть — так миллион, ну и про королеву, так же у вас говорится?

Митрофанов фыркнул, Оксана, не сдержавшись, ухмыльнулась тоже и манерно сказала:

— Мужчина, угостите даму сигареткой.

— Да я не курю давно, — ответил Митрофанов, впервые обозначив тут же подавленное движение.

— Да я тоже, — призналась Оксана. — Ну попить принесите, что ли.

Она была уверена, что Митрофанов примется, как положено его психотипу, нудно уточнять, что именно принести, и как-нибудь, да продемонстрирует смесь подобиострастия или хотя бы чинопочитания с презрением быдломана к усосавшейся и капризничающей бабе-командирше. И это развеет странное чувство, паутинкой повисшее в темноте между двумя стульями с высокими спинками.

Митрофанов кивнул, встал и ушел. Золотничка сквозь оглушающий умц-умц бравурно проорала, что будет каждый день прибегать к своим любимым-прелюбимым девчонкам.

Оксана посидела немного, соображая, что чувствует и почему, а потом все-таки посмотрела в телефон. Искал ее только Тимофей, зато в четырех мессенджерах сразу.

Оксана не стала открывать ни одно из сообщений, погасила экран и снова попробовала додуматься, сама не зная, до чего. Не успела — Митрофанов вернулся.

Он протянул стакан воды, холодной и без газа. Оксана припала. Оказывается, она страшно хотела пить, так что вытянула полстакана в один глоток, а вторым и третьим остудила горящее нёбо. А Митрофанов вдруг наклонился к ее ногам.

Оксана не отшатнулась лишь потому, что не успела заметить его движение — а когда заметила, страшно испугалась, как девочка просто. Бог знает, какая дичь представилась, чуть коленки к подбородку не вскинула. Митрофанов уже выпрямился, шагнул к своему стулу и сел, глядя все на тот же отсвет. Оксана, кипя извилинами и нервами, собралась вывернуться на него — заминка была только за тем, чтобы убедиться, что владеет голосом, испуг показывать нельзя, это закон выживания. А пока убеждалась, посмотрела все-таки под ноги. Там стояли ее туфли.

Так, подумала Оксана почти в панике. Так.

— С-спасибо, Даниил Юрьевич, — сказала она, влезая ногами в туфли и судорожно соображая, что тут еще можно сказать.

Телефон спас.

Тимофей, родненький, как же ты вовремя, подумала Оксана хищно. Сам под нож лег, ягненок.

— Ксан, ну где ты лазишь, а? Время одиннадцать, я на измене, в телеграме пишу, в мессенджере, в ватсапе, а тебе параллельно, не просматриваешь даже. Тебя ждать сегодня вообще?

— Как хочешь, — сказала Оксана.

— Ну чего начинаешь? Нормально скажи.

— Чего на... — Оксана осеклась, улыбнулась и сказала: — Говорю нормально: сегодня не жди. И вообще не жди, если тебе трудно так.

— Мне не трудно, просто конкретно паришь мне...

— Так. На этом все.

— Что все-то? Раз в жизни нормально...

— Тимофей, все. У нас с тобой все кончилось. Сегодня до полуночи забирай вещи, какие там оставлял, и вали куда хочешь. В полночь вернусь, все выброшу в помойку просто. Ты меня понял?

— Оксан, ты что? Ну сорян, я же...

— Ты меня понял?

— Ни фиги не понял. Что началось-то? Пээмэс, дуркуешь, или, как это, у тебя кто-то другой?..

— Тебя не касается. Мы с тобой расстались. Спасибо за все, больше не пиши и не звони. Целую.

Она нажала отбой и глубоко вдохнула, опустив голову, но краем глаза увидела, что Митрофанов все-таки повернулся к ней ненадолго и снова уперся глазами в дальнюю стенку. И негромко спросил довольно неласковым тоном:

— Вот так это делается, да?

— В том числе, — отрезала Оксана.

Встала и пошла прочь, твердо и красиво, как положено сильной уверенной в себе женщине и непосредственной начальнице знающего свое место подчиненного.

Не покидающий своего места подчиненный, все так же глядя в дальнюю стенку, сказал:

— Колготки забыли, Оксана Викторовна.

Оксана застыла на секунду, не спеша вернулась к стулу, взяла сплюснутый ком колгот, встряхнула их и натянула, стараясь не слишком извиваться. Совсем уж задирать юбку она не стала, хотя могла — Митрофанов так и пялился вдаль, а остальным было не до них: народ колбасился под «Дискотеку Аварию».

Оксана отряхнула юбку и вежливо сказала:

— Большое спасибо, Даниил Юрьевич. Должна буду.

Глава третья

От курсовой сперва отвлекали блинные дела, оказавшиеся не фантазией, а выматывающей реальностью, потом девки, затеявшие акцию «Весна, приди», потом Гоша, вздумавший последний решительный раз выяснить отношения, — ну выяснил, отношений не обнаружилось, и кому теперь легче? — потом фестиваль мексиканского кино и купленный по дури абонемент в фитнес-зал. А когда Саша почти все разгребла, размела и изничтожила, вступил в силу фактор Ксюхи.

Снимать с нею квартиру оказалось большой ошибкой. То есть квартира была хорошей, Ксюха была хорошей, и получившаяся цена была хорошей, но сложение трех этих хорошестей время от времени давало вместо плюса или минуса корявую фигуру в глаз.

Ксюха могла неделями быть соседкой мечты: закупать продукты, забивая оба холодильника — молчим уж о стратегических запасах типа картошки, яблок и банок с вареньем, которыми родители Ксюхи под Новый год устали полбалкончика, — готовить на три дня вперед, убираться, — она даже окна порывалась в середине марта помыть, ладно снег пошел. А потом на такие же недели впадала в неопрятное уныние: не готовила, не мыла посуду, не выносила мусор — наоборот, производила в угрожающих масштабах, и все вокруг себя. «Как на родной свалке», — бурчала Саша, напоминая, что вообще-то из Чупова она, а не Ксюха. Учиться да и просто находиться на квартире в эти недели было почти невозможно. Ксюха или негромко рыдала, или жаловалась на жизнь, или требовала, чтобы Саша немедленно — например, в разгар предзачетной лихорадочной подготовки, либо прямо из душа, либо просто в пять утра — пояснила любимой подруге, почему ту никто не любит. Объяснение Ксюху обычно не радовало, но прикончить ее скотскую привычку Саша так и не сумела.

Из уныния Ксюху выводили авантюрные идеи, как правило, связанные с мгновенным обогащением. Саше удалось отговорить ее от игры на форексе и от стримов с раздеванием по закрытой подписке, зато курьером, развозящим мелкие пакеты по укромным местам города, Ксюха почти уже устроилась. Пришлось наорать, быстро найти и показать кейс с подробным пояснением, что именно перевозят такие

курьеры и почему им светит не менее десяти лет без надежды на условку и УДО, а потом и пригрозить немедленным звонком Ксюхиным родителям. Обиделась Ксюха страшно, зато ненадолго. Как всегда.

Еще она исчезала, и от этого было не легче. И от того, как это происходило, внезапно и ровно когда Ксюхина помощь во как нужна — чтобы затащить на седьмой этаж негабаритное зеркало, в четыре руки приготовить свою часть пайки для универовского фестиваля или просто подставить жилетку, потому что Саша тоже не железная. И от того, что происходило в Ксюхино отсутствие — от бесконечных звонков, от стуков в дверь, от каких-то странных подружек невероятной внешности и возраста, от левых сопляков, разок даже от вполне себе дедка в сиреновом шлафроке, или как уже это называется, при шляпе, трости и перстне того же цвета, что ломился в дверь, взыскав Ксении Вольдемаровны — надо будет дядю Володю при случае анклом Вольдемаром назвать, а то и Волдемором (на самом деле не надо, конечно). И особенно от того, как и когда Ксюха возвращалась: неизбежно, масштабно и в самый неподходящий момент, который растягивался во времени и в неподходящести изумительно релятивистским способом.

Как теперь, например, — через неделю после исчезновения, через три дня после последнего ответа — для протокола: «Сашк прости не сейчас», почти без смайлов — и ровно на третьем часу Сашиного погружения в курсовую по Ruby on Rails, сдать которую по-хорошему надо было позавчера, а последний срок — послезавтра. Ксюха обрушилась, вся потрепанная и потертая до воздушности, внезапно ненакрашенная, зато в незнакомых духах, счастливая до голубых соплей и гиперактивная, как всегда на старте отношений.

Сашк, кричала она, он такой, такой, шептала она, и друзья такие же, добавляла она, немедленно, сейчас же знакомимся, пела она, пошли же, пошли, твердила она, вытанцовывая вокруг, и пыталась впрямь поднять Сашу то за плечи, то за локти и утащить к таким друзьям на такую базу, где такие шашлыки, веселье и счастье такими толстыми ломтями.

Саша сперва терпела, потом вызверилась — да так, что Ксюха поспешно отсела и сделала виноватую рожу, — а потом подумала: а какого черта, собственно? Курсовая почти готова — ну как почти, начать да кончить, и последнее слово ключевое, и надо хотя бы возможности для этого создавать, да и Гошку чем-нибудь затереть не мешало бы, а то так и буду жить прошлогодними охами и ненужными вздохами. Попробуем, решила она, — не кончанья ради, конечно, а просто чтобы отвлечься и попробовать, как Ксюха говорит, пожить полной жизнью пару дней.

Добила строку — в основном, чтобы выдержать характер, — и пошла собираться. В том же выдержки-характер-стайл: внимательно выслушать Ксюхины вопли — вот-вот это возьми, тебе идет, — отложить, взять свитер потемнее и поглубже, выслушать возмущенные вопли, положить в рюкзак, и так пока Ксюха не заткнется (на самом деле нет: она не заткнется, пока не уснет).

Все правильно сделала в итоге: и то, что взяла с собой грубое-немаркое, и то, что поехала. Хорошо получилось.

Двинули большой компанией на двух машинах, старых, здоровенных, но довольно милых, на примерно такую же, старую, здоровенную и милую базу. Домики там были фанерными и неотапливаемыми, бани не было вовсе, так что ночевки не предполагалось — ну и вообще за пределами загорательного сезона нормальной девушке можно не опасаться выезда на такую природу в сколь-нибудь вмняемой компании: что-нибудь активнее флирта и обжиманий мог позволить себе разве что упоротый подросток или патентованный маньяк.

Ни тех, ни других в компании вроде бы не было.

Были разной степени симпатичности, но самым симпатичным, приходится признать, оказался Ксюхин избранник Матвей. Даже слишком симпатичным: спортивный блондин за метр восемьдесят. Впасть в омерзительную красоту ему мешали излишняя худоба, неизбежная бородка гадостного образца и дружок — юркий,

квадратный, трепливый, да еще и Сашин тезка. Саше он не показался сразу, а его попытка сперва пошутить, потом помочь с подготовкой стола усугубила дело. Впрочем, надо отдать Алексу — так его звали остальные — должное: ни настаивать, ни обижаться он не стал, а мгновенно упылил шутить и помогать кому-то еще. Девушек, помимо Ксюхи с Сашей, была еще троица — половина компании, собранной, похоже, быстро, спонтанно и из таких же полуслучайных элементов — но, как оказалось, не самым худшим образом. Хорошие ребята, чего там. Уж всяко лучше шашлыка: он оказался жилистым, к тому же поджарился неровно, то угольный хруст, то розовая тянучка — но были еще куриные ноги и колбаса с сыром, много огурцов-помидоров, ну и вино с пивом. Саша вообще-то не пила, тем более вина неизвестного качества: мама настрого велела если уж пить, то дорогое и хорошее, потому что новые деньги будут, а новая печень — никогда. Но тут-то, успокоила она себя, качество известное — столовое крымское, низший сорт, отрада малограмотных, но патриотичных пенсионеров и отбитых студентов. Вода со спиртом и сахаром плюс немножко химконцентрата, будем считать той же ношпой, только с градусом. Все лучше, чем вискарь, пафосный и, подозревала Саша, отчаянно дорогой.

Тяжелую бутылку извлек из своего — тоже явно недешевого — рюкзака Алекс и стал наседать с угощениями на всех, особенно на девочек, с таким усердием, что у Саши опять возникли сомнения на его счет — и насчет возможной ночевки с безобразиями и ужасами. Но границ Алекс переходить не пробовал, так что Саша успокоилась — и с совершенно спокойным изумлением наблюдала за тем, как литр односолодового виски умеет исчезать за пять минут стараниями четырех не слишком крупных парнишек и троицы девочек. Ксюха, понятно, была в их числе, а девочка Влада и сам Алекс не пили, потому что за рулем. Саша оценила, между прочим.

После вискаря и вина народ стал потешным и неагрессивно удалым: вполголоса пел, плясал, не вставая, щекотал соседей задушевыми шепотками и рассказывал мучительно смешные истории, перетекающие одна в другую и никогда не доползающие до конца. Саша огляделась: вокруг все были такими, вдутыми больше холодной свежестью и хвойным дымком, чем алкоголем, мило веселыми и незлыми. Она улыбнулась, потерла холодный, оказывается, нос холодными, потому что держат пластмассовый стаканчик, пальцами, и уютно поежилась, вползая чуть глубже в тепловой кокон внутри накинутого поверх куртки пледа. Рядом немедленно присел Алекс с заботливым лицом. Саша слегка напряглась, но он не стал вторгаться в уют словами или жестами, молча улыбнулся, поставил перед Сашей пластиковую мисочку с ломтиками апельсина и груши и отошел. Апельсин и груша были сладкими — это ладно. Они были ровно тем, чего Саше ровно сейчас не хватало для полного счастья. А теперь хватило.

Саша запрокинула лицо, прикрыла веки и замерла, прохладное небо нежно взяло ее за щеки, а счастье длилось, длилось и не кончалось.

— Сашк, паддьюоо! — крикнул кто-то пьяненьким Ксюхиным голосом, но на голос шикнули и пробормотали что-то про не мешай, видишь, хорошо человеку, — аккуратно подняли под локотки и повели. Саша чуть разомкнула ресницы, убедилась, что небо, хоть и поворачивается, но остается на положенном правильном месте, земля под ногами неровна, но прочна, а ведущая ее рука тверда, но заботлива, — закрыла глаза снова и, хихикнув, поплыла дальше. Кресло, правый бок и локоть с мягким щелчком подперла дверь, слева тепло надавили на бедро и плечо, Ксюха обнимает и гогочет: «Натолкнулась на небесную ось», — на нее опять шикают, она отвлекается — судя по чмоканию и хихиканьям, всерьез — зажигание, мотор зажужжал, качнулись, закрутились, полетели.

Ерундовый серый день оказался секретиком, про какие рассказывала мама. Сама-то Саша так ни разу ничего подобного и не соорудила, хотя собиралась сто раз, но повествованием мамы про ямку в земле, на дно которой кладешь какое-нибудь детское сокровище типа страстика, колечка или куколки — наверное, маленькой, как из киндер-сюрприза, — а потом перекрываешь ямку стеклом и засыпаешь землей,

чтобы через неделю, месяц или год раскопать и убедиться, что твое сокровище так и живет в спокойной темноте, дожидаясь света над стеклянной крышей, и иногда даже дожидается, — так вот, этим рассказом Саша была очарована так, что самые удачные дни и часы стала утрамбовывать и зарывать в памяти, как такие вот секретники под цветным стеклышком. Сегодня стеклышко было серо-голубым, как дымок на пикнике.

Таким же серо-голубым был полумрак за окнами и даже потолок машины, когда Саша открыла глаза. Она еще пару минут любовалась этим бесконечным секретиком сквозь призрачное отражение собственного носа, подсвеченного удивительно дальнобойными огоньками приборной доски, потом снисходительно отвлеклась на Ксюху с Матвеем. Они отвлекаться не собирались. Саша ухмыльнулась, в зеркале заднего вида ей ответно ухмыльнулся Алекс, совершенно, казалось, поглощенный негромкой беседой с мальчиком Пашей, который сидел впереди. Саша смутилась, опустила глаза, предсказуемо разозлилась, вскинула глаза, натолкнулась на подмигивание Алекса, смутилась повторно — но Алекс уже смотрел только на дорогу.

Саша посопела и снова уставилась в серо-голубую природу, пролетающую за окнами. Секретика больше не было, не было и расслабленного счастья. Были легкая нервность и предвкушение. Не то чтобы дискомфортные, честно говоря.

Что ж меня колбасит-то так, подумала Саша с некоторым недоумением, прислушиваясь к себе. Но ответа не расслышала: Ксюха наконец отлепилась от Матвея и обрушилась на Сашу с жаркими просьбами понятного содержания: а можно Матвей у нас переночует, можно-можно, а, мы тихо, мы мешать не будем, честно-честно, а я тебе за это, уй, Сашк, ты такая лучшая, я тебя люблю!

Они действительно вели себя тихо — во всяком случае, постарались. К Матвею в любом случае не возникло претензий: не орал, туалет почти не занимал, сидущку на унитазе поднимал-опускал, в трусах по квартире не шлялся, холодильник не грабил, а наоборот, умудрился — Саша так и не поняла, когда, — загрузить туда пакет овощей и пару контейнеров с недобитыми куриными ногами. Словом, был противоположностью предыдущих Ксюхиных кавалеров.

И утром за завтраком Матвей был вежлив, весел и мил, к тому же помыт и чисто выбрит вокруг бороды. Пожарил на всех яичницу, порезал овощи и хлеб, расставил тарелки, сварил кофе — не соседкин ухажер, а просто скатерть-самобранка с функцией приятной беседы. Даже стыдно было раздражаться из-за того, что пришлось одеться и накраситься к завтраку, а не выпереться как любит и как привыкла.

Не насторожила Сашу даже затянувшаяся прощальная беседа голубков — ей ли не знать, с какими лицами и каким тоном иногда приходится нежные вещи шептать. Она просто нацепила наушники и углубилась в проклятую курсовую, что за истекшие сутки сама почему-то не сделала. Хорошо углубилась, даже не заметила, как парочка наконец-то разлепилась и носитель игрек-хромосомы покинул помещение, а носительница всего остального замерла в нетипичной точке и в нетипичной позе.

Саша зацепила эту нетипичность то ли краем глаза, то ли тепловой точкой на ухе, поди пойми, но на какой-то там секунде подняла голову и убедилась, что Ксюха и впрямь, по-бабьи подперев поясницу, угрюмо рассматривает незнакомый рюкзак.

— Забыл, что ли? — спросила Саша рассеянно и почти уже скользнула обратно в код, но что-то не пускало. Она подняла голову. Понятно что — странность поведения Ксюхи. Любимая соседка даже в спящем состоянии меняла позу раз в пять минут, а уж бодрствовать на месте не умела в принципе. А сейчас стояла и смотрела.

— Там таракан или что? — спросила Саша со вздохом и тут же поняла, что нет там тараканов, пауков и прочей живности, иначе Ксюха уже сидела бы у Саши на плечах и на весь квартал требовала срочно убить несчастную тварь.

— Ксюх, — сказала Саша, откладывая наушники и вставая, — ты чего вообще?

Ксюха вздрогнула, посмотрела на Сашу испуганно и снова уставилась под ноги. Впрочем, голос у нее был почти обыкновенный:

— Да не, нормально все. Матвей просто сказал, вечером заберет сам или из друзей кто. И я что-то...

— А что это? — спросила Саша, подходя.

— Ну... вещи, — сказала Ксюха и посмотрела на Сашу еще испуганней.

Саша хотела уточнить, что за вещи, а заодно спросить, когда и откуда взялся рюкзак — когда вечером заходили, у Матвея за спиной здоровенный синий был, а этот компактный черный, то ли внутри прятался, то ли с утра вместе с овощами возник, — и вдруг поняла.

— Так, — сказала она. — Давай-ка посмотрим, что там.

— Ты чего! — воскликнула Ксюха, не меняя градус испуга. — Чужой же.

— Вот именно, чужой. Как в кино. Открывай, посмотрим.

— Нельзя, ты что, э!.. — воскликнула Ксюха и чуть дернулась вслед за Сашей, подхватившей рюкзак, — впрочем, не сильно дернулась.

Саша все-таки отошла на пару шагов, попыталась расстегнуть молнию и обнаружила, что собачки схвачены хитрым стальным замочком.

— Так, — повторила она и ощупала рюкзак.

Он был легким и мягким, к тому же не шуршал, так что Саша засомневалась и повернулась к Ксюхе — но вид у соседки был таким виноватым, что сомнений не осталось.

— Ксюх, я серьезно сейчас: что там?

Ксюха, хлопнув губами, сделала неопределенный жест, потерявшийся в плечевом поясе.

— Матвей этот твой, он вообще кто? Ты его давно знаешь?

— Ну он студент в технологическом, и работает, и нормально все, чего ты придумала, — торопливо заговорила Ксюха, протягивая руку. — Давай сюда.

— А чего зависла тогда? — жестко спросила Саша и подняла рюкзак. — Понимаешь ведь, что здесь, да? Что это или подстава, или... Я не знаю, или еще хуже, просто ты для него перевалочный пункт, — понимаешь, да? И я тоже из-за тебя, понимаешь?

— Ты чего завелась-то? — спросила Ксюха, приходя в себя. — Придумала что-то и орет.

— Придумала, да? Тащи нож, откроем и увидим, что я там придумала.

— Ты что! А вдруг там ничего такого!

— А вдруг наоборот? — поинтересовалась Саша. — Тогда что?

— Да, тогда — что? — спросила Ксюха, зверея. — Распорешь рюкзак, найдешь, чего хотела...

— Я хотела?!

— ...И дальше что? Придут, увидят...

Саша на секунду замерла, давая взрыв негодования, который мог перерасти черт-те во что — например, в визг «Ты же нас подставила», истерику и, может, даже удары по глупому Ксюхиному лицу, старательно выдохнула, вдохнула и швырнула рюкзак соседке под ноги. И сказала, стараясь не звенеть голосом и тем более не рыдать:

— Чтобы не было его здесь, поняла?

Ксюха поспешно подняла рюкзак, вцепилась в него обеими руками так, что костяшки побелели, и тихо спросила:

— Куда я его — выкину, что ли?

Саша пожала плечами. Во рту был иней, а лицо горело.

— Или пойду туда, да? — уточнила Ксюха так же тихо. — Чтобы меня приняли, да?

— А лучше, чтобы пришли и обеих, да? — уточнила Саша в ответ.

Ксюха начала было:

— Да с чего они... — и замолчала, закусив губу.

Саша ушла в свой угол и принялась впихивать в собственный рюкзак тетради и выписки, стараясь говорить как можно спокойнее:

— Короче, так. Я в библиотеку, буду там до закрытия. Это до шести. Вернусь когда — чтобы этого вот здесь не было, поняла? Ты поняла или нет?

Она дождалась потерянного кивка Ксюхи, лютуя на нее и на себя, впихнула

последнюю стопку бумаг — смяла и порвала, кажется, все на свете, ну да чего уж теперь, — и зашагала к двери, накидывая кофту на ходу. Из открытой двери в спальню пахнуло одеколоном Матвея. Сашу перекосило, и она, обуваясь, прошипела:

— И этого — чтобы духу не было, никогда! Поняла?

— Разоралась-то, как будто... — начала Ксюха, распаяя себя, да так и не смогла — сникла.

Саша вышла, грохнув дверью, лифта ждать не стала — быстро сбежала по лестнице, разок едва не вывихнув лодыжку. Развеелась слегка, вытеснив злобой обиду — а на улице все равно разревелась.

И конечно, сразу позвонила мама. Как чует.

Нет, просто совпало. Даже по поводу голоса всего полминуты мучила, согласилась с тем, что у дочери может быть простуда, ритуально попросила не бегать без шапки и шарфа — и перешла к делу.

— Саша, папе позвони, пожалуйста.

— А что такое? — спросила Саша, замерев.

— Его поддержать надо, а у меня не получается в последнее время, ты же видела — наоборот выходит. Я уж как его просила не идти к начальству пока, и вот... Саш, неприятности у папы на работе. Увольняют его.

Глава четвертая

Оксана влетела в кабинет, нервно сжимая файл с бумагами, замерла у стола Митрофанова, огляделась и сдержанно спросила:

— Где Митрофанов?

Народ, углубленный в отчеты, не обратил внимания, только дисциплинированная Савельева оторвала голову от бумаг, поморгала, отматывая оперативную память к вопросу начальницы, огляделась и предположила:

— Гуляет, наверное.

— Какое гуляет? До перерыва час еще.

— Ну в туалете.

Оксана, зверея, звучно швырнула файл на стол — народ вздрогнул, поднял и тут же опустил головы — и уставилась на Савельеву. Савельева посмотрела в ответ и холодно продолжила:

— Тогда в кафе или домой пошел.

И снова уткнулась в бумаги.

Оксана потюкала ногтями по столешнице, схватила файл, чуть не обрушив на пол лоток с издевательски аккуратными стопками документов, и ушла, бросив:

— Я на выезде, если что срочное, пусть звонят.

Митрофанов и впрямь нашелся в кафе — в той самой «Наташе». Сидел за дальним столиком у окна перед пустой чашкой кофе. И как ни странно, почти сиял.

По телефону разговаривает. Радость у него такая.

Оксана секунду постояла у столика, сверля Митрофанова взглядом, потом привычно уже швырнула файл на стол. Митрофанов бегло покосился на бумаги и продолжил в трубку:

— Ну что ты, Саньк. Все нормально будет. Отдохну, съезжу куда — хочешь, вместе с тобой? Да хоть сейчас. Почему, во Вьетнам или Тай можно вполне, завтра или с выходных.

Оксана вздохнула, отодвинула стул, села и жестом пресекла намерения легшего на боевой курс официанта. Митрофанов невозмутимо продолжал:

— Мама? Так у нее-то работа, видите ли, то-се, ее ж не... Ну, сама поговори, может, захочет. Я нет. Санька, ну давай потом. Ну да. У тебя-то как? А с голосом чего? Понятно, без шапки опять, мамки на тебя нет. Тоже простыл, ага. И на меня,

получается... Тем более про Вьетнам подумай. Ну ладно, ладно. Спасибо за звонок. Не переживай. Целую.

Он отложил телефон, все так же задумчиво улыбаясь, повернулся к Оксане и церемонно поздоровался.

— Здравствуйте, Даниил Юрьевич, — зло сказала Оксана. — Довольны?

Митрофанов секунду подумал и с некоторым изумлением признался:

— Вполне.

— Н-ну, рада, — сказала Оксана еще злее. — Дальше что?

Митрофанов пожал плечом.

— Сложный выбор, Вьетнам или Таиланд. Слышали же.

Оксана сдержалась и даже не процарапала столешницу насквозь. Помолчала немного и спросила:

— Даниил Юрьевич, вот зачем было так, а? Я же просила не соваться к главе пока. Время не то, настроение не то, да и некоторые вещи я говорить не могла, но понятно же, даже вам должно быть понятно, что сложно все. Зачем полезли, тем более сегодня?

— Оксана Викторовна, да какая разница-то.

— Какая. Такая, что я просила. Я вас просила, правильно?

Оксана беспомощно посмотрела на Митрофанова. Захотелось плакать.

Митрофанов завожился на стуле, попытался отхлебнуть из пустой чашки, хмыкнул и раздраженно произнес:

— Ну простите, Оксана Викторовна.

— Ну простите, — зашипела Оксана. — Вам простите и Таиланд, а мне теперь куда? Без единственного вменяемого сотрудника и без перспективы! Вы же на самом деле не хороший план предложили, а единственный, если без дураков-то. Ничего другого мы не придумаем. Подождали бы немного — победителями на нем выехать могли, с премиями и решением проблемы, и отдел, и администрация, и весь город. А теперь Балясников никогда уже такого не примет, раз вас послал и орал на весь этаж.

— Значит, не надо ему, — сказал Митрофанов. — Пусть дальше придумывает.

Оксана чуть не сорвалась на крик. Сдержалась, потому что видела: Митрофанов ее провоцирует, а самому-то ой несладко. К тому же она не теряла надежды разрулить ситуацию. Иначе зачем сюда прибежала-то, аки брошенная невеста? Не скандалить же и не мотивы уточнять. Их знать не помешает лишь в случае, если с Митрофановым придется дальше работать. А не придется, похоже. И проблема тут не только в воле начальства, но и в желании подчиненного. Вот уж чего не ожидала.

— Даниил Юрьевич. У меня огромная просьба. Очень коротко и четко объясните, пожалуйста, что вы сказали главе и что он вам.

— А вам как будто не объяснили еще.

— А вот представьте себе. Наговорили всякого, наорали, потом Ираида заявление ваше показала, чтобы я визу поставила.

Она сделала паузу, уже понимая, что Митрофанов ни в жисть не спросит, поставила Оксана визу или нет. Гордый. С перебором.

А Митрофанов точно не заметил паузы или не понял, для чего она. Он вздохнул и впрямь очень четко и коротко принялся рассказывать:

— В общем, я в архиве порылся и нашел. Больше, чем собирался. Свалка не просто незаконная — это судами подтверждено. Было два представления прокуратуры и судебное разбирательство с решением: нарушение законодательства немедленно прекратить, свалку закрыть, землю привести в исходное состояние. То есть я точно не знаю, само решение не нашел, только ссылки в бумагах правупра, а картотеки дела за этот период в сети нет. Не суть. Это когда за Саакянцем зачищали — а вы не помните, поди. Короче, Балясникову даже придумывать ничего не надо или там дополнительные решения через аппарат и сессию проводить. Он просто берет действующее решение из архива и закрывает свалку, ссылаясь на прокуратуры и суд. И дальше все разбираются с ними, а мы умываем руки и требуем компенсации ущерба.

— Прокуратура с судом как решили, так и обратно откатят, сверху цыкнут, и вопрос решен, — а мы крайние, — возразила Оксана.

Митрофанов крутнул головой.

— Во-первых, «так», по-простому, не выйдет. Это та еще морока, тем более с судами, хоть они там общаются. Во-вторых, мы дурь эту прекратим, пока не перетравились все, и получим новую точку для переговоров. А это в любой ситуации полезно, в том числе с Гусаком.

— Гусак, если бесится, очень неприятен, а он уже бесится, главе сказали, — объяснила Оксана.

— Да я понял. Но голову не надо отключать, даже когда ссышь, прошу прощения. Ботинки будут целее, а то и голова. И на провода не попадешь. Был вариант соскочить по-хорошему, а дальше типа я не я, сами разбирайтесь. Нет, он начал: «Свою работу делайте, а не ковыряйтесь в делах предшественников, я за них не отвечаю». Хотя именно не отвечать дальше и предлагалось дурачку-то.

— Так и сказал — за предшественников не отвечает? — уточнила Оксана. — И все?

— Ну он много чего еще сказал, компактно так. Обязательства города, обязательства области, мы должны решать проблему, а не спихивать другим на голову, все вот это. Все как Лена... — он замолчал.

Какая Лена, хотела спросить Оксана, но решила, что не время, поэтому осторожно заметила:

— Так правильно же, в принципе.

— В принципе-то любая мысль правильна, если вовремя ее остановить и обрезать как надо. А не начинать: «Мне такие специалисты не нужны, мне нужна нормальная конструктивная работа, не хотите работать — пишите заявление, найдете себе новое место, где можно вот так спихивать, а искать не хотите — помогу волчий билет оформить».

— А, — сказала Оксана.

— Да мне и без «а» хватило бы. Мальчика нашел.

— В смысле, понятно, чего он на психе таком. Вы же ему отвечали что-то, правильно? А он просил как раз скандалы и демарши не устраивать и вообще темы до заседания не касаться, и чтобы все помалкивали. Видимо, надеется, что все само рассосется — ну или пообещали ему так. И тут вы с записочкой. Да еще с перспективами суда. С Гусаком-то судиться — это да, это здоровое такое мероприятие.

Митрофанов ухмыльнулся. Оксана продолжила:

— Он Ираиду бедную так накрутил, она меня аж в телеге посланиями закидала, конспираторша: типа шеф в бешенстве, Митрофанов заяву написал, беги спасай.

— Да не надо спасать никого, — сказал Митрофанов лениво. — Город надо спасать, но вы этим заниматься не собираетесь.

— А кто этим займется?

— Да уж не я.

— Ну почему же.

— Потому что я уволился.

— Да ладно, — возразила Оксана и хлопнула по файлику. — Вот ваше заявление, я визу не поставила, без нее рассмотрению не подлежит. Вы болеете, вон, в нос говорите, слышу же — корпоратив и по вам ударил, так?

Она мучительным усилием заставила себя обойтись без паузы и пронзительного взглядывания в лицо Митрофанова. Оно, впрочем, было спокойным, и не было в нем ни непростительной иронии, ни постыдного уныния. Усталость была и злости немножко. Но это нормальное мужское сочетание, если с силой в комплекте. Сила вроде была. В комплекте.

— И слава богу, что ударил. Вонючку не чувствую. Хороший вариант для всего города, кстати — всегда с насморком ходить. Может, и впрямь лучше на курорт не ехать — вылечусь, а как тут дальше жить, если лучше не будет?

— Так пусть будет, — сказала Оксана настойчиво. — Сейчас идите в поликлинику, больничный оформите, больного никто не уволит.

— Ой ли.

— Если что, не в том, так в этом смысле на болезнь сошлемся — мол, вы потому на рожон и полезли, что под температурой.

— Оксана Викторовна, пожалуйста, не надо меня унижать, — попросил Митрофанов, чуть изменившись в лице.

Ох и гордый, подумала Оксана, и вскинула руки, сдаваясь, — и демонстративно, и всерьез.

— Упаси меня бог. Но, Данил, исправлять-то все равно надо. Ты не исправишь, я не исправлю — кто исправит-то, если глава не может?

— Теперь мы на ты? — поинтересовался Митрофанов, не дождавшись ответа, всмотрелся в Оксану и уточнил: — Теперь мы всемогущи?

Оксана честно подумала и призналась:

— Нет. Но жить-то хочется. Значит, придумать что-то надо.

Митрофанов так шевельнул челюстями, что стало понятно — сейчас предложит: «Вот и придумывай, но без меня». Но сдержался и спросил почти деловито:

— Что, например?

— Да господи, вариантов куча. Всегда же придумывается что-то, тем более когда об экологии речь. Помнишь, в девяностые депутаты продвигали проект захоронения ядерных отходов России? Территория огромная, не жалко, пускай сюда везут, платят. Но не разрешили же. Потому что мы не свалка.

— Ну здравствуйте.

— В смысле?

— Что в смысле? Сорок лет ввозили, прекраснейших образом, безо всяких. Просто формулировку изменили в законе — и привет. Потом официально перестали, но на самом деле — фиг его знает. Это предмет гостайны. А гостайна, сама понимаешь, бывает только там, где есть что скрывать. Мы — свалка. Для них мы — свалка. Запомни.

— Для кого, для иностранцев?

— И для тех, кто им разрешает.

— Ну и... что делать? — спросила Оксана растерянно. И замерла. Она на самом деле ждала ответа от этого человека, которого еще неделю назад считала едва ли не самым бессмысленным и серым куском окружающего мира.

— Ну-у, — протянул Митрофанов, строго рассматривая Оксану. — Я работу потерял, простыл, живу в центре свалки, дочь уехала, жена бесит. Что делать — накатить.

— Здесь не надо, — сказала Оксана.

— Что так?

— Работа рядом.

— У тебя, — уточнил Митрофанов.

— У меня и водка есть. Дома, я ж говорила.

— Дома и у меня есть. Я ж говорил.

— И чего здесь сидишь?

— В смысле?

— Водка есть, жена есть. Еще варианты есть.

— Черт, давно надо было уволиться, — сказал Митрофанов с удовольствием.

— Так что делаем? — деловито спросила Оксана.

Митрофанов посмотрел на нее, уставился в окно, за которым, конечно, ничего интересного не было и в такой теплый ноябрьский день быть не могло, и жестко ответил:

— Ты подмахиваешь заявку, я занимаюсь своими делами, как-то так.

— Даниил Юрьевич, слушай, я вот какой-то сукой была или там тварью? — спросила Оксана, чувствуя горячую планочку под нижними веками, еще на пару миллиметров сдвинется — хлынет.

— О господи, — сказал Митрофанов, не отрываясь от окна, за которым пробежала ошалевшая белесая собака.

— Так если нет, хоть раз просьбу выполни, хоть одну. Пожалуйста.

Митрофанов показал, что слушает.

— Погоди недельку. До следующего понедельника, не дольше. Даже до выходных. Потом что хочешь — уходи, дверь поджигай, гусаков люби. Но неделю подожди, ладно? Личная просьба.

Неделю ждать не пришлось — хватило суток.

Глава пятая

Ивану не повезло — потому что сам виноват. Мало того, что вышел в офис, хотя мог еще пару дней спокойно дома отдыхать, так еще и попался начальству на глаза. Начальство и обрадовалось: «О, Иван Сергеевич, выздоровели? Как славнo-то. У нас сроки по подготовке кредитной линии мэрии горят, они там тянут, правление уже головы снимать готово — обеспечьте, пожалуйста, согласование с их стороны».

После этого поздно было совать начальству под нос гипс, мужественно морщиться, а тем более объяснять, что Иван не занимался этим проектом, если не считать участия в расчетах по срокам окупаемости мусоросжигающего завода в зависимости от величины тарифов с предприятий и домохозяйств. В офисе появился — работай. И что делать, если вся работа банка в условиях падения доходов населения сводится к выбиванию кредитов и рассовыванию новых кредитов, чем крупнее, тем лучше? А после окончательной остановки мехзавода и банкротства птицефабрики Жёлтый дом остался и крупнейшим, и единственным платежеспособным, и, само собой, перспективным клиентом. А Иван остался чуть ли не единственным дееспособным представителем отдела по работе с крупными клиентами. Отдел как-то враз иссяк: одного спеца забрали в область, другая болеет третью неделю, и там, говорят, все плохо, третий и впрямь переехал, а все считали, что шутит — ему до замуправляющего год максимум оставался. Штат скукожился до пары предпенсионеров, которых уже не уволишь, пары вчерашних стажеров, которым даже в футболе довериться страшно, лонгета не даст соврать, — и Ивана.

Он вздохнул, взял бумаги и пошел в Жёлтый дом.

Вздыхал не зря. То есть поначалу все сложилось нормально: в финансовом департаменте и управлении городского хозяйства Ивана заверили, что с их стороны все согласовано и подписано, а в правовом замначальника сообщил, что сам не в курсе, но начальник сейчас на совещании у главы, в том числе и по данной проблеме.

Замначальника оказался неплохим парнем, Иван душевно провел с ним полчаса за кофе и трепом об общих знакомых и общих же интересах, которых нашлось неожиданно много — а тут и начальник департамента вернулся. Он был разгорячен и немножко в мыле, поздоровался настороженно, но узнав, откуда Иван, расслабился, — правда, нервно хохотнул, не объяснив причин смеха и нервозности. Начальник департамента подтвердил, что речь о мусорной линии шла вот ровно сейчас, глава в принципе одобрил условия и, скорее всего, подпишет бумаги не сегодня-завтра.

Иван обрадовался и попробовал немедленно обрадовать начальство. Начальство радоваться не пожелало. «Я слышу про "не сегодня-завтра" так давно, что убедился — да, это не сегодня и не завтра», — сказала начальство и велело, с одной стороны, не возвращаться без подписи главы хотя бы на план-графике, с другой — вернуться до вечера.

Иван уныло обещал постараться, дал отбой, принял от руководителей правового управления толику молчаливой жалости и пошел в приемную.

В приемной уже тупили в телефоны трое. Секретарша сразу предупредила, что Ярослав Антонович занят весь день, расписана каждая минута, так что лучше завтра

с утра попробовать, там окно есть. Иван смерил выразительным взглядом троицу успевших раньше. Секретарша обиженно сообщила, что им это тоже предлагалось. Троица оглядела собеседников с усталой иронией и снова уткнулась в экранчики.

Иван аккуратно разместился в свободном кресле, извлек телефон, устроил гипс на сложенной куртке и углубился в чтение «Бесконечной шутки» — наушники в присутственных местах не положены, а про роман много слышал, давно скачал, все руки не доходили. «Шутка» чарующе переплетала извилины, да и обстановка была вполне библиотечной: тепло, светло, тихо, никто почти не шевелится и ничто не воняет: очевидно, завхоз Жёлтого дома вовремя озаботился частой сменой фильтров в кондиционерах. Так что опомнился Иван только на двадцатой примерно сноске, да и то не самостоятельно, а потому, что конкуренты по живой очереди вдруг зашевелились, поднялись и, негромко переговариваясь, покинули приемную — правда, без верхней одежды, очевидно, скрытой во встроенном шкафу-купе. Иван проверил часы и обнаружил, что обед идет уже десять минут. И не в том беда, что родной желудок обездолен — он привычный, — а в том, что глава как видный фрагмент бюджетной сферы способен проигнорировать законный перерыв лишь в категорически чрезвычайной ситуации. Если такая ситуация происходила прямо сейчас, ждать дальше было бессмысленно. Если же ее не происходило...

Иван встал, незаметно потянулся, чуть не обронив куртку, и подошел к секретарше, которая ни на него, ни на ушедших товарищей внимания будто не обращала, но сказала тут же:

— Столовая на первом этаже, по лестнице и вправо, там найдете.

— А Ярослав Антонович...

— Нет, он не там, у него деловой обед.

Иван недоуменно оглянулся на дверь и сообразил, что она может быть и не единственной в главном кабинете города.

— А, — сказал он, стараясь убрать с лица глупое выражение. — А когда вернется примерно?

Секретарша пожала плечами.

— Как встреча кончится. Час-полтора обычно. А в два у него совещание с водоканалом. Так что лучше завтра.

Вот зараза, подумал Иван. Подло, через заднюю дверь, в женском платье. А мне что мешает так же, через заднюю?

— А где встреча, не подскажете? — спросил Иван, осторожно вдеваясь гипсом в рукав.

— Не подскажу, — отрезала секретарша, но глядела с сочувствием.

— Но рядом, так? — уточнил Иван, не теряя времени, решил, что молчание и мимическая пауза сойдут за знак согласия, и тут же развил успех: — Но не пиццерия же, правильно? И не «Наташа», так? Значит, «Бостон».

— И не «Наташа», — подтвердила секретарша с улыбкой и отвернулась к монитору с пасьянсом.

Иван поблагодарил и ушел.

На улице пекло и воняло, шарф уже не спасал. Иван торопливо пересек площадь перед Жёлтым домом и нырнул в заглубленное на полтора этажа антикрылечко ресторана «Бостон». Ресторан вопреки названию славилось неплохой венгерской и болгарской кухней, задранными ценами и репутацией места, удобного для любого типа переговоров, от подчеркнуто официальных до подпольных во всех смыслах. Менты и фейсы относились к этому с пониманием, хотя сами предпочитали обедать в паре специальных кафе рядом со своей Будкой смерти.

Иван остановился в небольшом вестибюле и, неторопливо стягивая куртку, попытался разглядеть что-нибудь за проемом, обрамленным тяжелым синим занавесом. Наверху сыграла дверь, стало темнее — спускались как минимум двое. Иван сделал вид, что увлечен развешанными по стенам пин-ап картинками пятидесятых.

Пришельцы беседовали, брюзгливо и в полный голос:

— Блин, ну и вонища, как вы живете тут вообще?

— Так а я про что.

— Про то, да не про то. Короче, чтобы в руки взял, понял? Только после этого...

Пара достигла вестибюля и замолчала, увидев Ивана. Иван, не оборачиваясь, ибо невежливо, шагнул навстречу парню в униформе, ровно сейчас выросшему в синем проеме, и протянул куртку. Парень прошелестел «Секундочку» и попытался метнуться обратно, но Иван успел сунуть куртку ему в руки. Парень с явной неохотой поменял куртку на номер и скрылся в гардеробе. Пришельцы ждали — то ли его, то ли пока Иван уйдет. Иван и прошел вглубь, не задерживаясь.

Зал был почти пуст: пара мужиков томилась у бара, причем бармен отсутствовал, еще один, еле заметный, но, похоже, здоровый, сидел за столиком у дальних почти неразличимых отсюда дверей. Мужики у бара переглянулись, откуда-то сбоку выскочил еще один, преграждая Ивану дорогу, но заговорил вкрадчиво, не в лад решительности движений:

— Простите, пожалуйста, не обслуживаем сегодня, у нас мероприятие.

Фигасе деловые обеды у главы, подумал Иван. Он бы еще снайперов по периметру расставил.

— Да ладно, — сказал он добродушно. — Мне ж супчику поест только, замерз и рука разболелась.

Он поводит гипсом перед носом халдея.

— Извините, — отрезал халдей, обозначая выталкивающее движение.

— Слушайте, ну так нельзя, — возмутился Иван. — Таблички нет, столы не накрыты, что вы мне тут по ушам ездите, мероприятие. Устроили феодализм, вам тут что, как говорится, Путин приехал?

— Что такое? — резко спросил вывернувшийся ниоткуда малорослый мужичок постарше. — Почему Путин?

— Так, — сказал халдей и решительно отодвинул Ивана в сторону, а потом еще дальше, к боковой двери, за которой вроде был банкетный зал. — Пойдемте-пойдемте, будет вам суп, сейчас сделаем, пожалуйста-пожалуйста.

Бесцеремонный напор, с которым Ивана конвоировали к двери, на фоне вкрадчивого голоса был пугающим. Иван торопливо сказал:

— Слушайте, я сам к Ярослав Антонычу по поводу денег на самом деле...

Стало темно — скромняги, умеющие брать в руки, наконец-то решились войти, перекрыв и без того скудную подсветку из вестибюля.

— Так, — повторил халдей, очень быстро оглянувшись на источник затемнения и неожиданно сильно впахнул Ивана в банкетный зал. Иван, чуть не теряя равновесия, впал внутрь, тут же развернулся и воскликнул:

— Э, ты что творишь!..

И замолчал, озираясь.

Чуть ли не четверть стульев банкетного зала была занята: на них, сторбившись над укороченными автоматами, восседали огромные черные спецназовцы в круглых шлемах. На явление Ивана они не отреагировали. Тем страшнее стало.

Глава рехнулся, коли с такой толпой охранников жрать ходит, подумал Иван обалдело.

Дверь приоткрылась, затворилась, распахнулась. В зал стремительно вошел халдей, который, теперь видно, был ни разу не халдеем — слишком быстрый и слишком злой. Он притиснул Ивана к стене так, что руку в гипсе неудобно развернуло. Иван зашипел. Квазихалдей прошипел в тон ему:

— Кто вы, откуда, о каких деньгах речь?

Иван понял, что ни включать дурачка, ни качать права сейчас совершенно не стоит, и пояснил со всей толковостью, на какую был способен:

— Я из банка, Главинвеста, Иван Матвейчев, мне подпись Ярослав Антоныча нужна, кредитная линия горит.

— Какая кредитная линия?

— На строительство мусоропереработки, чтобы не воняло здесь, — пояснил Иван. — Руку больно, отпустите.

— Да, простите, — сказал квазихалдей, не отпуская. — А что за деньги?

— В смысле? Ну вот, на завод, город берет тремя траншами, первый был на техзадание, теперь второй и третий — на запуск проекта и расчет с «Чистой страной». Больно мне, говорю!

Квазихалдей быстро оглянулся на спецназовцев, по шлемам которых невозможно было понять, слушают они тихую стремительную беседу или спят под забралами, и наконец перестал давить, но шага назад не сделал.

— Документы покажите, — предложил он.

— Сперва вы, — ответил Иван, осторожно перехватывая гипс. Он здорово разозлился.

— Матвейчев, вы тут шутики... — начал квазихалдей.

Один из спецназовцев вскинул кулак, встал и сделал жест, разглядеть который Иван не успел. Остальные спецназовцы тут же вскочили, относительно бесшумно, только один из стульев оглушительно скрежетнул ножкой по каменному полу.

Квазихалдей схватил Ивана за плечи и отволол в сторону на шаг, другой, а потом просто бросил. В руке дернуло, в глазах вспыхнуло, Иван рухнул. Вокруг загрохотало.

— Ты охерел, что ли, баран? — рявкнул Иван, пытаясь подняться, но сам себя не услышал — так грохотали берцы: спецназ рванул наружу, едва не высадив дверь.

Из основного зала завопили, мучительно простонала сдвигаемая мебель, разбилось стекло, и все начали орать, громко, массово и невпопад. Потом стало тише, но кто-то бегал туда-сюда, удаляющийся голос твердил: «Я помощник, я просто помощник!»

Так, сказал себе Иван — совсем как халдей, но, в отличие от него, совершенно ничего не понимая. Так, сказал он себе еще раз. Больше ничего не придумывалось, даже ответ на элементарнейший вопрос: встать наконец с пола или безопасней посидеть еще немного.

Сидеть было, может, и безопасно, но стыдновато. Иван с трудом встал, отряхнулся, морщась от боли в руке, которая стреляла и мозжила самыми разнообразными способами, хотя гипс был цел, да и предплечье внутри лонгеты вроде бы не провернулось.

Валить надо, вот что, пока квазихалдей не набежал, решил Иван. А как же подпись? Да никак. Завтра с утра подойду, как секретарша с самого начала советовала, прямо к восьми утра, дождусь и сразу подпишу, и никуда глава не денется, и начальство Ивана пушай не гавкает, потому что есть форс-мажоры, а есть фейс-ментяры, от которых живым уйти за счастье, а уж на своих ногах и без бутылки в заднице — чудо и джек-пот на ярд.

Иван осторожно вышел из банкетного зала и застыл на месте, очень как-то ловко пропитываясь пониманием, что ничего не дождется — причем, судя по всему, не только завтра. Интерьер ресторана полыхал всеми люстрами, лампами и торшерами, так что задняя дверь просматривалась с любой точки. Из двери, растопырившись короткими стволами, вышло несколько спецназовцев, тут же рассредоточившись по залу. Один встал рядом с Иваном, будто не заметив его, но ствол держал направленным неуютно. Иван сделал полшага назад, чуть не споткнулся об упавший стул, отвлекся на пару секунд, а когда поднял глаза, столкнулся взглядом с главой.

Балясников вышел из дальней комнаты вслед за спецназовцем, огляделся, отвел глаза от Ивана, с усилием потер бледное лицо и, кажется, попытался что-то сказать невидимому собеседнику за спиной, но, смешно дернувшись, пробежал вперед.

Дальше он старательно шагал в такт спецназовцу, к которому был пристегнут наручниками.